

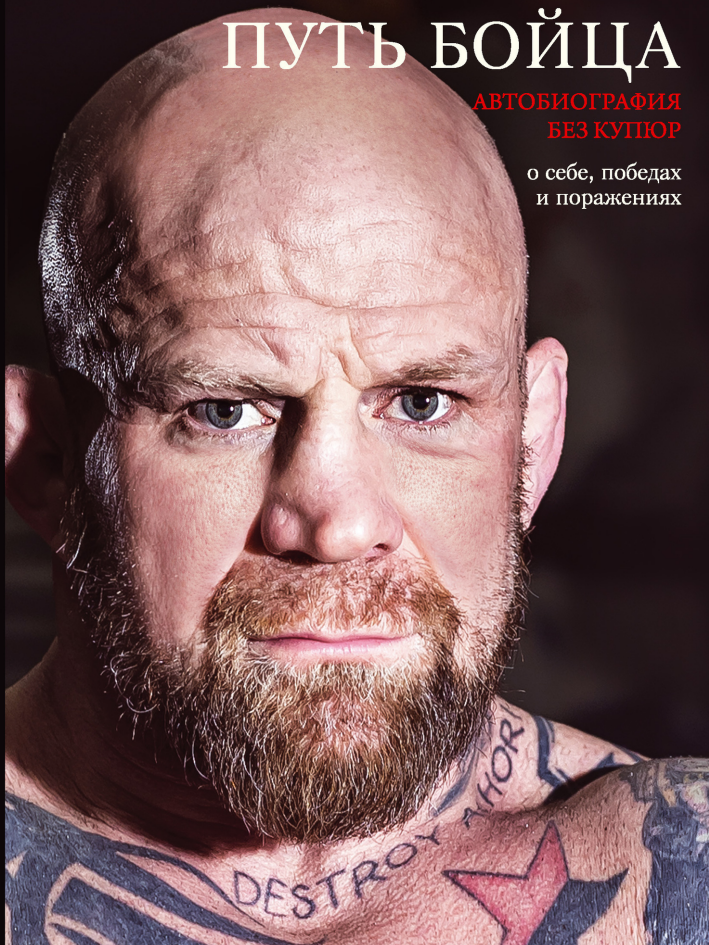
ДЖЕФФ

МОНСОН

ПУТЬ БОЙЦА

АВТОБИОГРАФИЯ
БЕЗ КУПЮР

о себе, победах
и поражениях

Джеффри Монсон
Путь бойца. Автобиография
без купюр. О себе,
победах и поражениях
Серия «Стань первым»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38098524

*Джефф Монсон. Путь бойца. Автобиография без купюр. О себе,
победах и поражениях: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108754-8*

Аннотация

Джефф Монсон – знаменитый боец смешанных единоборств, чемпион мира по джиу-джитсу и удивительная личность. В своей автобиографической книге он, не таясь и не лукавя, рассказывает о пути к славе и признанию. Детство, юность, молодость и зрелость, победы и провалы, опыт самопреодоления и трудная дорога к вере в себя – вся жизнь Джеффа Монсона предстанет перед вами на этих страницах.

Содержание

Пролог	10
Глава 1	18
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джефф Монсон
Путь бойца.
Автобиография
без купюр. О себе,
победах и поражениях

© Джеффри Монсон, 2018

© Каледина Т. Е., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Меня зовут Джефф Монсон.

Если вы держите в руках эту книгу, то, скорее всего, уже знаете кто я такой. Знаменитым я стал благодаря смешанным единоборствам: за многие годы выступлений в ММА я выиграл не одну награду и завоевал не один титул. Это был долгий и сложный путь, со своими взлетами и падениями. И он до сих пор не закончен.

Боец в жизни и на ринге.

Отец семейства. Американец и русский. Вот кто я сегодня. Если вам интересно, как я к этому пришел, откуда начинал и что повстречал на пути – значит, я не зря написал эту книгу.

На этих страницах – вся моя жизнь. Детство, юность, молодость и зрелость – я попытался максимально искренне и честно описать все, что мне довелось пережить, все главные эпизоды моей биографии. Как я закалял свое тело и дух. Что сформировало мой характер. Какие трудности я преодолел и какие жизненные уроки усвоил: я собрал все, что помню, объединил в одну буюльшую историю и рассказал ее вам.

Это моя жизнь и это мой путь.

Я хотел бы посвятить эту книгу моему другу Крису Тарпу. Мы ходили вместе в среднюю школу и много лет спустя встретились в Южной Корее. Крис тогда был уже состоявшимся писателем – и согласился отложить свои проекты, чтобы помочь мне в работе над этой книгой. Работа растянулась на три года, и в течение всего этого времени он был рядом, рассказывая эту историю вместе со мной. Если бы не его энергия и преданность делу, этой книги бы не было. Мы оба надеемся, что она понравится вам.

Пролог

Он слегка перемещался всего лишь в нескольких метрах от меня, вглядываясь так пристально, что почти вводил в транс. Даже если малейший страх и владел им, я не замечал и намёка. Он смотрел в упор, словно медведь, выжидательно и беспощадно. Я видел такой его образ много раз. Как и почти неизбежное следствие: соперник окровавлен и уничтожен. Он величайший. Но в этот раз я знаю, что в конце всё-таки поднимут мою руку.

Огни ослепляют, словно множество солнц, заливают ринг таким ярким светом, чтобы дать возможность камерам показать всё чётко и не упустить ни малейшей детали. Голоса тысяч людей, заполнивших стадион, сливаются в рёв. Здесь политики, даже сам господин Путин. Знаменитости и просто фанаты ликуют, нараспев произнося имя своего бога: «Фёдор! Фёдор!»

Раздаётся звук гонга. Я наступаю, выставя правую ногу. Обычно я с левшами не борюсь, а дерусь. Но сейчас надеюсь броском кинуть его и оказаться сверху, а когда придёт момент – уложить на лопатки. Выставив правую ногу, я уже начал попытку. Всё, что я могу сделать, так это улучшить момент в долю секунды под его огнём. Она позволит мне продержаться, чтобы в следующий миг уложить его на ковёр и зажать, словно в тисках, руками. Удушающий приём. Вот как

я побеждаю в боях.

Я рассчитываю, что он пойдёт прямо на меня и пустит в ход кулаки. Так он побеждает в боях. В неукротимом стремлении победить он укладывает противников с помощью ракетного залпа ударов, часто приканчивая их оверхендом, летящим сверху подобно смертоносному молоту.

Но я замечаю нечто странное: он не сближается. Вместо этого откидывается назад со своей всесокрушающей правой, нацеленной словно дуло пистолета. Он хочет, чтобы я двинулся к нему.

Я делаю одолжение и пытаюсь нанести удар, но он в ответ отправляет мне в голову правый хук. Сильный, уверенный удар, который даёт понять, что этот парень умеет бить. Я гордо задираю подбородок, но принимать трёпку от Фёдора – совсем не стоит. Он наносит удары с чудовищной силой и скоростью, выдержать которые могут лишь немногие.

Мы смотрим друг на друга, танцуя на носочках, чувствуя друг друга. Я вижу, он не торопится кидаться. Он играет в другую игру; он знает, что моя единственная цель – поймать его в атаке, уложить на лопатки и болевым приёмом заставить сдаться. Но такое развитие событий не входит в его планы. Он вынуждает меня сблизиться, чтобы наказать за каждый промах, который я сделаю.

Вдруг я получаю удар стопой. Он неожиданно попадает чуть ниже правого колена – обжигающая паутина боли. Тут же я получаю следующий, перемалывающий защитную

мышцу над костью. Фёдор *никогда* не бьёт лоу-кики. Я этого не ожидал. У меня нет защиты против этого, могу только изменить положение ног, но в то же время знаю, что удар левой может его свалить. Если я только смогу.

Мы продолжаем танцевать, и удары дробят молотком по кости. Я тесню его, и он пятится к канатам. Прежде, чем я успеваю прицелиться, он попадает ударом справа, у меня темнеет в глазах.

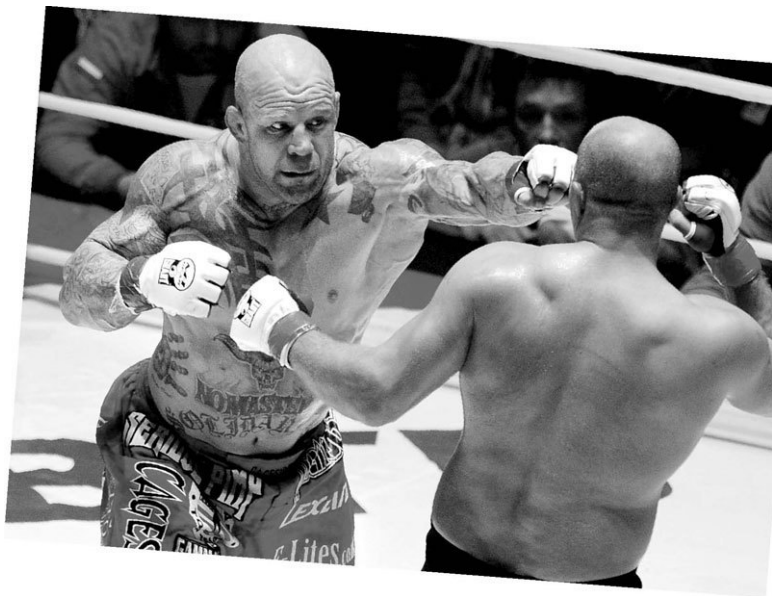
Через секунду я прихожу в себя от боли. Противник уже на мне и лупит по голове, опять словно молотком. Я по пальцам могу пересчитать, сколько раз меня отправляли в нокаут ударом кулака, но я никогда раньше не дрался с Фёдором. Он в той позиции, в которой запросто может прикончить меня. А это всего лишь первый раунд.

В моих венах пульсирует адреналин с одновременно нарастающей паникой. Холодеющий ужас объял изнутри. До меня доходит, что сейчас бой могут просто остановить. Поэтому собираю всю свою силу и с трудом перестраиваю защиту. Однако он не ведётся на игры в партере и, вскакивая на ноги, приближается, чтобы проделать то же самое.

Во втором раунде он настигает меня ещё одним правым ударом и снова укладывает на помост. В этот раз я не закрываю глаза, но голова сильно болит, и всё вокруг кружится. Снова он на мне, и в этот раз готов убить. В ответ я просовываю левую руку под его правой и пытаюсь применить подсечку. Это часто давало мне возможность перевернуться, но

Он предугадывает мой манёвр, вскакивает на ноги и выруба-
ет меня.

В конце раунда мы находимся в стойке. Каждый раз, когда я пытаюсь ударить, он отбрасывает меня. Я не могу сократить дистанцию. Он превращает мою правую ногу в кусок говядины. Я чувствую себя отбивной под бейсбольной битой. Теперь я знаю: несмотря ни на что, это будет бой в стойке. Я цепенею от ужаса. Мой план, основанный на бое в партере, развалился как карточный домик.

Победить Фёдора в кулачном бою я не смогу. Я использую грэпплинг. Он – кикбоксинг. Определённо он находится в выигрышном положении, а мне парировать нечем. Мой

единственный выбор – быть беспощадно битым. Он вынуждает меня нападать на него, не важно, как и насколько сильно мне придётся ему заплатить за это. Мне нужно искать возможность для удара и надеяться, что Бог заставит его совершить ошибку, и он даст слабину. Это всё, что мне требуется. Я могу проиграть бой в попытках, но не могу потерять свою гордость. Меня не остановить.

А почему я, собственно, должен останавливаться сейчас? Я никогда этого не делал. Ни ребёнком в проблемной семье, где моим единственным спасением стал спорт. Ни борцом в старшей школе, страдающим от булимии, чтобы сбросить вес. Ни студентом колледжа в надежде попасть в American Top Team или соперничать за место в национальной команде. Ни в качестве борца UFC, когда оставался лишь шаг до титула.

Моя неумолимая жажда победы – это то, что привело меня сюда, на этот ринг сражаться с величайшим всех времён на его стадионе, на его родной земле.

Я разгромлен и весь в крови, но дышу воздухом своей мечты. Все за пределами этой клетки орут против меня, так же, как и миллионы, смотрящие в прямой трансляции эту кровопролитную схватку по телевизору. Но несмотря на это, я не сдаюсь. Ему придётся сломать мне кости, вырубить меня или убить, и даже после этого нет гарантии, что я остановлюсь.

В третьем раунде он своей правой сбивает меня с ног ещё

два раза. Как бревном долбит. Нижняя губа у меня рассечена надвое, из неё хлещет кровь. Моя правая икра похожа на сырую котлету и ничего больше не чувствует, несмотря на то, что удары продолжают обрушиваться на неё. Каким-то образом я всё ещё стою и даже умудряюсь ударить его пару раз. Но слишком поздно. Я разбит, а он цел и невредим. Моя мечта уложить на лопатки лучшего испаряется с каждым повторяющимся ударом по ноге. Несмотря на это, я шатаюсь и жду своей попытки.

Я слышу щелчок десятисекундного предупреждения, сближаюсь с соперником и хватаю его. Он даже не покачнулся. Мы просто сцепились, смотрим друг на друга и киваем. Знак уважения. Он весь в крови. Кровь покрывает его лицо и размазана по груди. Моя кровь.

Бой окончен. Толпа людей стремительно выливается на ринг.

Мы обнимаемся. Я пожимаю ему руку, а также и другим, стоящим в его углу. Я обнимаю своих ребят, они ничего не говорят. Мы все знаем, что я проиграл. Нас вызывают и объявляют победителя, поднимая его огромную смертоносную ручищу. Я опускаю окровавленное лицо, в это время стадион взрывается одобрительными возгласами. Сам Владимир Путин идёт на ринг, раздаётся неодобрительный гул. Люди не настроены на речи. По крайней мере сейчас. Два человека отдали себя целиком и полностью в испытании кровью. Что на данный момент кажется более важным, чем политика.

Адреналин, который заряжал меня так долго, растаял. Меня тошнит. На пути в свой угол я чувствую кровавую рану, прожигающую плоть прямо за большой берцовой костью, и падаю.

Это был последний шаг, который я смог сделать перед следующими шестью неделями.

Глава 1

ДЕТСТВО

Отца своего я не знал. Он погиб в результате несчастного случая на работе, когда мне было всего два года. На складе его сбил грузовик. Отец умер на месте.

Первое воспоминание моего детства – холодным осенним днём мы с мамой, держась за руки, стояли у могилы отца. Это было в Миннесоте на севере США. У мамы перехватило дыхание, она опустилась на колени. А я просто стоял, слушая её рыдания, и капли дождя стучали по моему зонту. Мне всего лишь два года. И я слишком мал, чтобы понять происходящее. Но эта сцена словно отпечаталась навеки в памяти.

Вскоре мама снова вышла замуж. Продавая мотоцикл отца, она познакомилась с будущим мужем. Его звали Майк. Майк служил в армии, участвовал во Вьетнамской войне. Поэтому жил он по-военному строго. Мне он никогда не давал спуска, а мама в нём нуждалась, по крайней мере в тот момент. Маме требовался человек, который бы мог о ней позаботиться, и Майк просто это делал. Он был трудягой, надёжным парнем, на котором держалась наша семья. Мы за него держались.

Да, Майк был надёжным, но в нём отсутствовала теплота. Он с трудом выражал свою любовь. После службы в армии

он работал охранником в тюрьме и в семью притащил эту казёнщину. Всё односложно и просто: «Да, сэр! Нет, сэр!»

Мы приезжали в Миннесоту к моим бабушке и дедушке на их ферму в сорок акров. Для меня, ребёнка, открывался огромный мир с бесконечными кукурузными полями, большим амбаром, в котором поселился целый клан кошек, подкармливаемых мной и двоюродными братьями и сёстрами. Мы давали хвостатым клички и пытались их поймать.

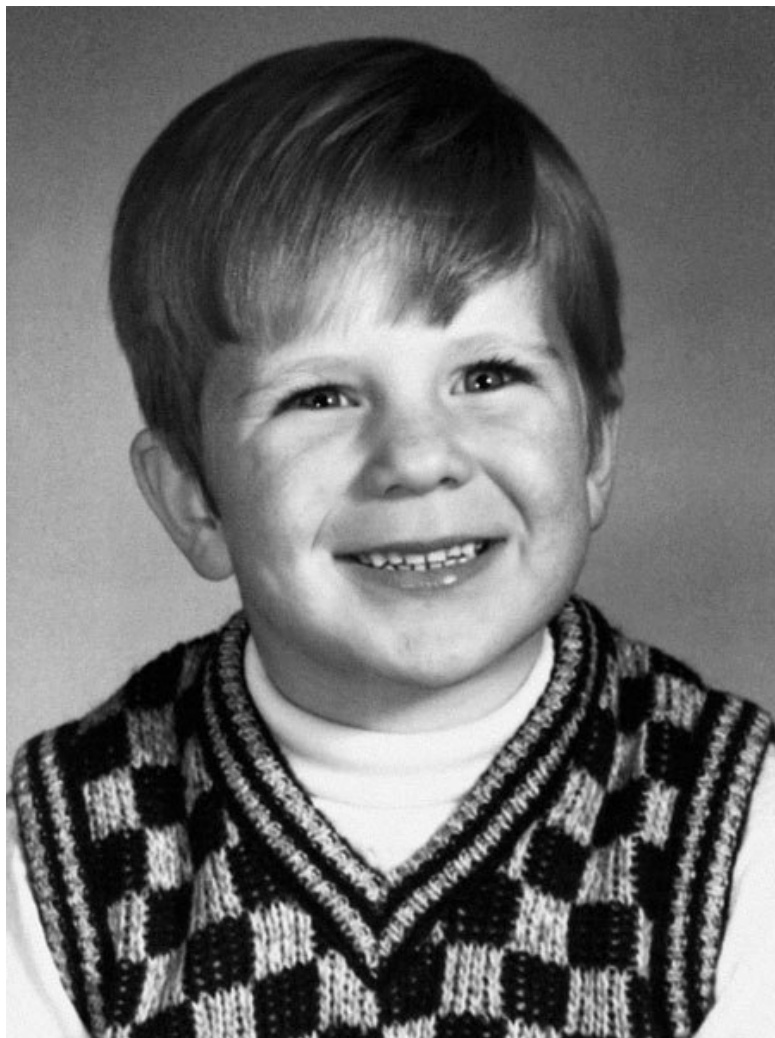
Все мои двоюродные братья и сестры жили неподалёку. Мы дружили. Наша жизнь становилась сплошным приключением среди стеблей кукурузы и тюков прессованного сена. Тёти и дяди любили меня. Бабушка обожала и была нежна со мной. Жизнь в Миннесоте на ферме – один из самых счастливых периодов в моей жизни.

Такое блаженство, однако, продолжалось не слишком долго. Вскоре Майка отправили на службу за границу. И так, когда мне было примерно четыре года, мы переехали в Гамбург, в Германию. Тут-то и начались мои трудности. У меня появился братик, и мы вчетвером жили на военной базе для американцев. Там я пошёл в школу, учился вместе с детьми, оказавшимися в подобной ситуации. Нас словно вырвали с корнем, и мы, как перекаати-поле, не оставались на одном месте надолго. У нас исчезло чувство семьи, общности, несмотря на то, что мы все вместе жили на американской территории в другой стране. Мы были временщиками, а это не рождало ни настоящей дружбы, ни крепких чувств.

Такова судьба всей армейской пацанвы.

Возможно, у меня не числилось настоящих друзей, но враг имелся точно. Его звали Патрик-Немец, он жил в другом комплексе по соседству со мной. Не знаю, почему его так прозвали, он был американским пареньком, живущим на базе, но для меня он стал сущим наказанием. Он был постарше и покрепче, с оливковой кожей и густыми кучерявыми каштановыми волосами. А ещё он был подлым. Всё время старался меня отлупить. Колотил меня кулаками, верёвками, палками, всем, до чего мог дотянуться. Настоящий хулиган! Однажды он и несколько его приятелей прижали меня к забору. Один из них взял кожаный ремень. Они менялись, нанося сильные звонкие удары. Я ничего не мог с этим поделать и позволял себя истязать. Это отвратительное чувство беззащитности и беспомощности я помню до сих пор.

Я инстинктивно боялся Патрика-Немца и всё время пытался улизнуть от него, но это не было нелегко. Когда ты цель для хулигана, он будет постоянно следовать за тобой по пятам, как на охоте, и Патрик-Немец не являлся исключением. Он постоянно меня поджидал возле своего дома, который мне не удавалось миновать по дороге в школу. Как только я доходил до его улицы, моё сердце билось сильнее и дыхание учащалось. Даже мысль о том, что он *рядом*, приводила в ужас.

1978 год. Джеффу 7 лет.

Личный архив автора

Однажды он гнал меня вверх по лестнице своего дома, пока мы не оказались перед дверью его квартиры. Я колотил по двери изо всех сил, пока не появилась его мать и не прекратила мои мучения. Это стало ещё одним поводом для большей ненависти Патрика-Немца, и он взял реванш в следующий раз, когда поймал меня.

Он часто снился мне. Во сне я мог летать, как Супермен. Это было нелегко, но можно становиться совершенно недостижимым, если достаточно сильно сфокусироваться. Как жаль, что такие способности отсутствовали у меня в реальной жизни.

Как-то к нам в гости приехали родственники. С ними был Дон, мой двоюродный брат. Постарше Патрика-Немца и сильнее его. Мы часто гуляли вместе по территории базы, и я всем сердцем желал встретить Патрика. Я хотел его поймать, загнать в угол и отплатить ему за всё. Я хотел отомстить ему. Ведь со мной старший брат, который придавал мне головокружительное чувство уверенности. Патрик-Немец теперь не мог унижить меня. Как здорово гулять свободно, без страха. Я ждал. Но Патрика-Немца не оказалось на базе. Он так и не появился, пока у нас гостил Дон. На самом деле, это было не важно, потому что впервые в жизни после переезда сюда я смог выйти на улицу без страха. И впервые в жизни

я чувствовал себя сильным, и мне это очень нравилось.

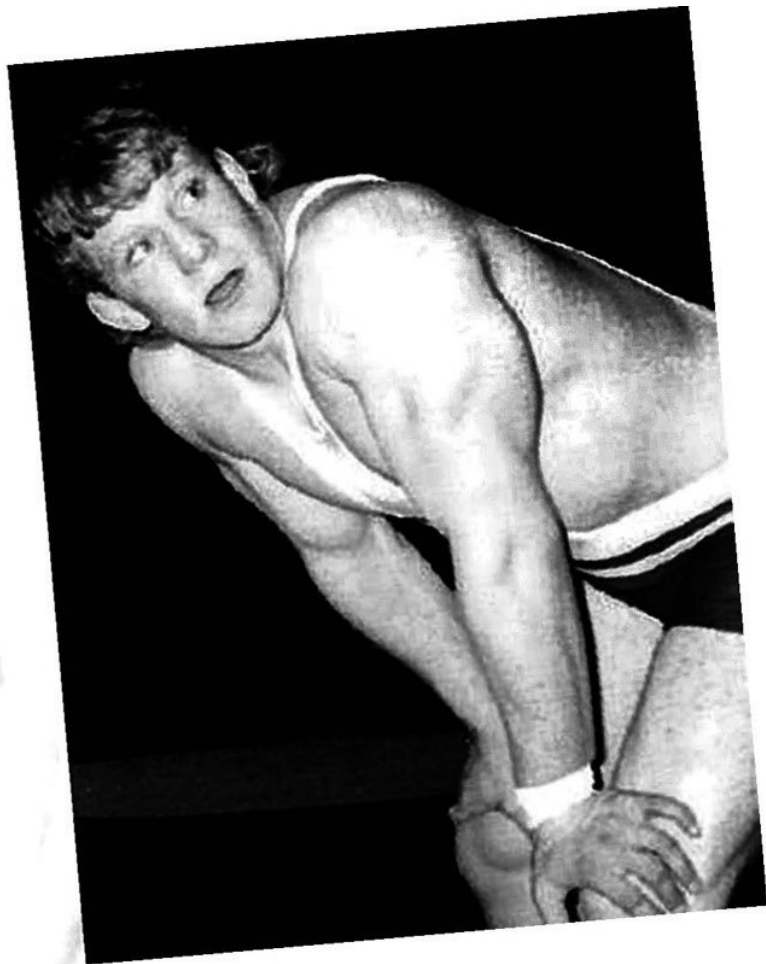
После службы в Германии моего отчима перевели в Форт Льюис в штате Вашингтон. Я по-прежнему проводил лето в Миннесоте у бабушки и дедушки, мои дни были заполнены. С двоюродными братьями и сёстрами мы постоянно играли в прятки около амбара и становились исследователями среди початков кукурузы. Часто ходили на рыбалку, ловили ушастых окуней и щук в озёрах; проводили уйму времени в огромной компании кошек, которые жили в своём доме. Дни были длинными и влажными, а ночи полны жуков и комаров. Воздух наполнялся запахами травы, сена и земли. Великолепное, безмятежное время.

Я ходил в обычную начальную государственную школу, как и в Германии, там ко мне тоже цеплялись. Возможно, это случилось из-за того, что я постоянно менял школы, и у меня не заводились друзья, я всегда оставался новеньким. Кажалось, мы только и делали, что постоянно куда-то переезжали. Наконец-то отчим ушёл в отставку и стал работать охранником в тюрьме на острове неподалеку. Поэтому мы снова переехали, и снова я поменял школу. И вновь, как обычно, стал новеньким в классе.

Всё могло получиться проще, если бы у меня сложились тёплые отношения с отчимом, Майком, но я просто не мог до

него достучаться. Мы никогда не ладили. Он был настоящим солдафоном: строгим, пунктуальным и очень требовательным. Его взгляд на вещи базировался на правилах, порядке и дисциплине. Казалось, в нём отсутствовало место для любви или веселья. А я в детстве был своевольным мечтателем, который слонялся из угла в угол, сводя Майку с ума. Я представлял собой чистый лист, не имеющий понятия о том, как устроен мир.

В старших классах школы Джефф Монсон занялся борьбой и начал участвовать в различных региональных сорев-

нованиях.

Личный архив автора

Но одна вещь вызывала у меня острый интерес – спорт. Вскоре я стал играть в американский футбол и бейсбол. Поначалу хотелось стремительно достичь результатов. Но вместо этого я попадал в напряжённые ситуации, что само по себе стало проблемой. Дело в том, что я любил спорт, но сильно нервничал из-за того, что нужно появляться на публике. То есть, выступать перед другими людьми, которые меня оценивали. Как будто бы я читал вслух в классе, где всегда был ходячей катастрофой. Никогда ничего хорошего из этого не выходило, и теперь мне требовалось показывать себя на поле. В американском футболе мне доверили роль вратаря, на котором лежит самая высокая ответственность в команде, что отнюдь не улучшило ситуацию. Чувство опустошённости настигало всякий раз, когда мне забивали гол. Пропустив, я казнил себя перед всеми. Это было ужасно.

Пришло чувство, что я ни на что не годен в бейсболе. Нет, играть мне нравилось, но я не был лидером. А само пребывание на площадке и попытки поймать мяч внушали мне лишь суетливость и ужас. Мне хотелось преуспеть, я хоть и боялся, но играл.

В тот момент спорт стал моим единственным увлечением. Мальчишки в моей школе всегда интересовались и занимались тем или иным видом спорта. Тогда же я и увлёкся про-

фессиональным спортом. Начал следить за бейсболом и командами по американскому футболу, особенно командами из Миннесоты. Смотрел игры и собирал карточки. Думаю, самым важным было то, что спорт стал мне был дорог: в его мире со мной ладили и не обижали.

В школе всё складывалось иначе. Я много дрался, и меня постоянно вызывали в кабинет директора, и всё время дразнили в классе. Из-за того, что часто переезжал, я не ладил с другими детьми. Мамина родня жалела меня, потому что я рано лишился отца. Они баловали меня, потакали во всём, и я превратился в маленького изгоя. В эгоиста, который не мог общаться, находить общий язык с другими. Пугливый и неуклюжий, совсем не спортивный, и не умеющий дружить. Без друзей и приятелей. В постоянном противостоянии миру. К тому же я страдал энурезом, и это не прибавляло уверенности. Из-за этого ещё больше задирали и дразнили. Например, однажды меня прижали к забору и выпороли веревкой. Или иногда дети играли со мной в игру: мы сбегали вниз по холму около игровой площадки, но никто не пытался выиграть. Они наоборот падали за мной, подставляли подножку и только. Я пытался выиграть, чтобы поразить других детей своими атлетическими способностями, но в итоге просто летел лицом вниз и выглядел нелепо.

Несмотря на неуклюжесть, я всё-таки смог подружиться с парнишкой по имени Крис Ланг. В то время у нас было много общего. Он не был таким недотёпой, как я, но мы оба ин-

тересовались спортом. И жил неподалёку, что всегда сближает в детстве. А спорт скрепил нашу дружбу. Он был нашей страстью.

Я знал, что Крис мой настоящий друг, тот, на кого можно рассчитывать и кому можно доверять полностью. В то время я часто писался. Это случалось не каждый день, но частенько. Я просто не успевал добежать до туалета. Обычно случалось во время большой перемены в школе. Часто, играя, я не хотел тратить драгоценное время на поход в туалет. Долго терпел, из-за чего и происходили подобные казусы. В самом деле, уж в третьем-то классе никто не должен писаться. Другие дети знали это не хуже меня, поэтому ничто не сделает тебя изгоем быстрее, чем пара описанных джинсов.

Итак, однажды после школы я снова описался. Я разговаривал с Крисом, когда мы ждали автобус, чтобы поехать домой.

– Ты описал штаны, – сказал он.

– Не может быть.

– Да посмотри на них. У тебя мокрое пятно. Ты написал в штаны.

Надо было оправдаться, и я попробовал соврать:

– О, нет, ничего подобного. Я просто упал в грязную лужу и промочил штаны.

И он посмотрел на меня, не веря ни единому слову, которое я произнёс, и сказал:

– А ладно. Нормально всё.

Я и подумал про себя: *Вот это друг. Он знает, что я опи- сал штаны, я знаю это, но он не гнобит меня за это.*

Мы стали лучшими друзьями, тусовались и делали всё вместе. Он жил всего лишь в миле от меня, но вскоре после этого переехал в мой район, всего лишь в нескольких домах от меня. Он стал другом на всю жизнь.

В начале четвёртого класса из-за моих плохих оценок и разных передраг, в которые я попадал, мама и отчим определили меня в церковноприходскую школу «Святое Семейство». Школа находилась в полутора милях от дома. Это событие перевернуло мою жизнь. Опять у меня словно выбили почву из-под ног. Вместо знакомых одноклассников я вновь встретился с людьми, которых не знал. Школа была очень маленькая, с пятнадцатью учениками в классе. Она предлагала совершенно новый опыт, которого у меня до этого не имелось. Во-первых, школьная форма: требовалось носить вельветовый костюм, белую рубашку, застёгнутую на все пуговицы, и красный свитер или жилет каждый день. В довершение ко всему, каждую пятницу нам предстояло ходить на католическую мессу.

Для меня многое изменилось. Приходилось посещать летнюю школу только для того, чтобы поступить в «Святое Семейство», так как меня фактически исключили из государ-

ственной. Я был просто ходячей проблемой и нуждался в помощи, которая пришла в виде учительницы миссис Пайк. Миссис Пайк оказалась молодой женщиной, одетой, как лет сто назад. Она выглядела очень старомодной, носила очки, и у неё были длинные вьющиеся волосы. Также она была очень жёсткой.

В то время у меня не сложилось никакой привычки учиться. Я понятия не имел, что значит быть учеником, и особенно это отражалось на математике. Но Миссис Пайк взялась за меня и начала контролировать. Она и заставила меня учиться. Каждый вечер я заучивал слова и развивал математические способности.

Однажды она позвала меня к себе домой, чтобы научить ускоренному делению и делению столбиком. То был вечер Хэллоуина, и мне не хотелось учиться. Для меня в детстве Хэллоуин считался большим праздником, и всё, чего я хотел в тот момент, – отправиться в дом призраков в соседнем колледже. Но учительница не отпускала меня, пока я окончательно не постиг основы деления. Когда я уходил, во мне что-то щёлкнуло, как когда-то случилось и с чтением.

Когда пришло время выставления оценок, я увидел у себя почти одни четвёрки. До этого мне удавалось получить одну, ну, может быть, две четвёрки за время всей учебы! То, что я получал оценки получше, обнадёживало, конечно, но более важно то, что появилось желание достичь большего. Во втором полугодии я стал учиться ещё лучше. Это было класс-

но: я больше не чувствовал себя тупым. Впервые в жизни у меня получилось то, чем я мог гордиться. И наконец-то достиг огромного, просто электризирующего заряда самооценки. В довершение всего я осознал, что упорная работа и настойчивость могут привести к успеху.

Во время учёбы в пятом классе случилось ещё одно знаменательное событие в жизни: мы переехали к отчиму на остров Макнил, где находилась его новая работа. Я ликовал. Я всё ещё ходил в свою старую школу, поэтому, добираясь до неё, много времени проводил в дороге. Этот путь меня увлекал. Мне приходилось встречаться с расконвоированными заключёнными, которые работали на пароме. О, это щекотало нервы! Ощущение необычности и лёгкой опасности. Оно подогревало, придавало остроты чувствам, которые обострились во время проживания на острове.

Мы переехали в старый дом в викторианском стиле с огромным двором. На целом острове насчитывалось всего около пятидесяти домов; остальную площадь занимали леса, поля и пляжи. На острове также тянулись настоящие зыбучие пески, у которых стояли предупреждающие знаки. Я выкапывал моллюсков после отлива и иногда умудрялся ловить крабов на доках, собирал морских звёзд во время отлива и запускал воздушного змея на пляже.

Иногда ночью я присоединялся к отчиму, когда тот катался на своём велосипеде-внедорожнике, и мы ездили по полям и лесам, гоняясь с включёнными фарами за койотами,

сканируя темноту сигнальными лампочками.

Помимо койотов, остров был домом для большой популяции оленей. Везде росла ежевика. Я объедался сочной тёмной ягодой. По выходным частенько кидал что-то в рюкзак, выбегал из дома и бродил целый день. Я представлял себя ранним колонистом, мне открывались собственные приключения, которые позволяли воображению рушить все рамки. Великолепное было время!

Спорт по-прежнему оставался большей частью моей жизни. Родители не позволяли мне играть в молодёжный американский футбол, несмотря на то, что я очень этого хотел, поэтому пришлось сконцентрироваться на бейсболе, где я на самом деле смог показать более-менее сносные результаты. Я был кетчером. Мне нравилось играть на позиции, отбивать мяч и зарабатывать очки. Я думал всё время об игре. Если не играл, то представлял себе игру. Я дошёл до того уровня, что стал действительно довольно хорошим игроком, и меня отобрали в команду. Наконец-то я стал выделяться. Но не это главное. А то, что впервые в жизни я получал удовольствие от игры.

Удача повернулась ко мне лицом. В школе всё шло хорошо, я чувствовал себя почти счастливым. Спорт стал моей поддержкой, и я уже не ощущал себя таким одиноким.

Вскоре мы покинули остров Макнил и вернулись в наш старый дом. Я вновь обрёл друга Криса. Как здорово было снова жить рядом, чувствовать его плечо, поверять свои тай-

ны. Всё складывалось хорошо. До тех пор, пока я не перешёл в старшую школу.

Глава 2

ПАДЕНИЕ

В католической школе я учился только до восьмого класса. А поэтому после выпуска поступил в большую общеобразовательную государственную школу, в которой числилось 1600 студентов. Для меня это стало потрясением после камерной атмосферы школы «Святого Семейства». Я не знал многих своих одноклассников, некоторых видел только во время занятий спортом летом. Я чувствовал себя потерянным и был сбит с толку.

В старшей школе я сконцентрировался на спорте, на получении результата. Поэтому играл в футбол и весной планировал заняться бейсболом, который стал моей настоящей страстью. А зимой хотелось заняться ещё каким-нибудь спортом. Выбор стоял между борьбой, баскетболом и плаванием. Ни один из этих видов не нравился мне очень, но хотелось чем-то заниматься. Я плохо плавал и совершенно ничего не знал о борьбе. И в баскетбол-то я особо хорошо не играл, особенно в команде. У нас во дворе установили баскетбольное кольцо, и мне нравилось забрасывать мячи самостоятельно, но я не имел настоящего представления о том, как играть в неё. Однако это вовсе не запрещало мне мечтать о том, что когда-нибудь я стану настоящей баскетболь-

ной легендой.

Я верил всем сердцем, что могу сыграть против лучшего парня в городе и просто размазать его, но в реальности всё получалось иначе. У меня отсутствовали навыки.

После школы, в первый день тренировки я обнаружил, что забыл баскетбольные кроссовки дома. Я знал, насколько может проявить твою натуру спорт и насколько важно первое впечатление. Таким образом, я просто не мог появиться на первой тренировке без кроссовок. Складывалось действительно затруднительное положение.

В это время в раздевалке, чтобы заманить побольше учеников, детям, у которых не было кроссовок, раздавали старые борцовки. Случай помог мне, я схватил их, обулся и появился в тренировочном зале. Я не мог представить, какой шанс выпал мне и как он изменит всю мою жизнь.

Первая неделя тренировок получилась напряжённой. Меня никогда так жестоко не трепали. Это было одним из неизменных требований. Я был новичком. Ребята, занимавшие первые места в десятке штата, боролись со мной и просто разрывали меня на куски. Вскоре отобрали лучших. Из пятидесяти детей оставили только тридцать. Тебя словно просеивали сквозь сито. Но я не возражал, мне это нравилось. Итак, я нашел своё. Чем упорнее я тренировался, тем сильнее становился. Но, самое главное, – я ни от кого не зависел. Это был просто я. Без какой-либо политики. Если ты выигрывал схватку, становился победителем. Если про-

игрывал, другой парень поднимался на ступеньку выше, а ты вновь боролся с ним. Всё определял ковёр, и это мне очень нравилось.

Алекс, мой бывший сосед, оказался рестлером, и он был крут. Он занимался уже третий год. Что и помогло мне. Я подумал: *«Если Алекс может, то и я смогу»*. Это подстегнуло меня.

Мама купила мне новые борцовки, и чем тяжелее становилось на тренировках, тем больше я увлекался. Я жил борьбой и быстро пошёл вверх. Боролся в весовой категории 55 килограмм, победил четырёх ребят подряд в группе, и прошёл отбор в школьную спортивную команду. О ней даже мечтать не мог в первый год. Наша команда была достаточно хорошей, её знали во всём штате. Попасть в неё в первый год считалось большим достижением.

К сожалению, я набирал вес. В начале года и футбольного сезона я весил 54 килограмм, поэтому считал 55 естественной весовой категорией для себя. Но я рос, много ел, чтобы тело становилось сильным. За два дня до моего первого боя я весил 59 килограмм.

Я не знал, как мне сбросить четыре килограмма за два дня. Сегодня это кажется нелепым – всего лишь одна тренировка в полиэтиленовом костюме, потом сауна, но тогда я вообще ничего не знал о том, как быстро похудеть. Я отправился в спортзал и стал бегать по кругу. Я знал ребят, которые не ели несколько дней до боёв, и стал следовать их при-

меру. Я похудел до 58, но этого было достаточно. Я никак не мог сбросить до 55, поэтому потерял место в школьной команде. У меня оставалась возможность побороться в более тяжёлой весовой категории. Но это было бессмысленно, так как все борцы свыше 55 килограмм уже занимались по три или четыре года. Я подумал, что они опытнее и лучше подготовлены, и просто убедил себя, что не смогу быть с ними на равных. Всё-таки придется сбросить несколько килограммов.

Я начал худеть постепенно, старался поменьше есть. Потерял время и не попал в школьную команду, хотя к концу сезона снова весил 55 килограмм. Но проявлялись и отрицательные стороны. Я перегибал палку, отказываясь от сахара, думая, что из-за него мои зубы станут гнилыми. Я чистил зубы по нескольку раз на дню, отдраивая их минут по тридцать. Очевидно, это был тип обсессивного компульсивного поведения (ОКП), и я начал применять этот тип мышления и действия в борьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.